

Існують й такі слова, що не мали і не мають поза конфесійним стилем якогось стильового значення. Вони нейтральні: *хліб, брат, учитель, вино, сестри, батьки, вінець, вода, дзвінок, крісло, чаша, свічка тощо*. “Інакше зі словами *ридати, повідати, оскверняти, уста, чоло, отець, діяння, рамено*. Їхне лексичне значення “світське”, проте саме їм віддається перевага в конфесійному стилі, а не синонімам *плакати, розповісти, поганити, губи, лоб, батько, діла, плече*. Їхне стилістичне значення – урочисте”, – слушно зауважує Н. Дзюбишина-Мельник [1, с.19].

Для конфесійного стилю характерним є:

- а) інверсійний порядок слів у реченні та словосполученні, що підкреслює урочисту піднесеність мови релігійного змісту: *Не може родить добре дерево плоду лихого, ані дерево зле плодів добрих родити* (Євангеліє від св. Матвія 6.7). Інверсія є нормою виразів: *Матір Божя, Син Божий, Різдво Христове, Господь Всемогутній, Агнець літургійний, Хрещення Господнє, Хліб Святий, Служба Божя, Піст Великий, Стрітєння Господнє тощо*.
- б) значна кількість перифраз, алегорій, метафор, порівнянь, слів з переносним значенням: *Я зруйную цей храм рукотворний, – і за три дні збудую інший, нерукотворний* (Євангеліє від Марка 14). Для творення образів часто використовуються слова: *апостол, нива, світло, вода, вхід, дзвін, літургія, молебень, піст, тиждень, хліб, чаша та ін.*, й вирази: *духовні очі, хліб життя, цілування хресне, Святи Дари тощо*. Слід зазначити, що існують навіть вітання та прощання у буденні, а ще більше у святковій дні: *Христос воскрес! – Воістину воскрес!; Слава Ісусу! – Навіки слава!; З Божем днем Вас!; З Богом!; Мир дому сьому і всім живущим у ньому та ін.*

Отже, для цього стилю притаманним є: вживання поважних слів і висловів, за якими здавна закріпилося церковно-релігійне значення; велика кількість своєрідних абстрактних найменувань, старослов’янізмів, архаїзмів, найменувань реалій потойбічного світу, імен Бога й інших надприродних істот. “Конфесійний стиль від інших стилів відрізняє: небуденна урочистість, піднесеність надзвичайна сконцентрованість маркованих одиниць, висока і водночас своєрідна ритмомелодика, елементи прощальності тощо” [2, с.93].

Цими та іншими, часто подібними, засобами в поєднанні зі “священною” лексикою створюється поважність, навіть святковість вислову, наприклад: *В церкві не було нікого: ні біля престолу, ні перед царськими воротами в храмі вірних, ні в темному притворі. Листки шувару хрумтіли сирі під ногами, й пахло млісною вогкістю боліт під теплим ранком. Реєнтий Падаличка стріпнув гіллячки зі свого крилоса, обточив краще май при образі святої Варвари. Дияконськими дверми пройшов іконостас і вернувся знову до престолу здовж стіни, й тоді в сутінках, за вітарем, наткнувся лицем на босі ноги, що гоїднулися в’яло в повітрі. Відступив під стіну, протягнув перед собою руки й налав знову ноги. Були студені, ціпкі, й це був отець Зданович... (Степан Тудор).*

На думку П. С. Дудика, “на розумово-почуттєвих засадах і сформувався своєрідний релігійно-християнський стиль писемного й усного висловлювання, сповненого певних ритуалів, усталених зразків на лексичному й синтаксичному рівнях мовлення” [2, с. 93].

Повернення до загальнолюдських та давньонаціональних цінностей зобов’язує нас уважніше ставитися до конфесійного стилю як до складової частини загальнонаціональної культурно-духовної скарбниці та складової частини нашої історії.

Джерела та література

1. Дзюбишина-Мельник Н. Ще один стиль української літературної мови // Культура слова. – 1994. – № 45. – С. 14–20.
2. Дудик П.С. Стилістика української мови: Навч. посібник. – К.: Академія, 2005. – 368с.
3. Загнітко А. П., Данилюк І. Г. Українське ділове мовлення: професійне і непрофесійне спілкування. – Донецьк: ТОВ ВКФ “БАО”, 2004. – 480с.
4. Коць Т. Українська лінгвістика другої половини ХХ ст. про конфесійний стиль української літературної мови // Слово Стиль Норма 36. наук. праць, присвяч. 65-річчю дня народження д.ф.н., проф. С. Я. Єрмоленко. – К., 2002. – С.18–24.
5. Пуряєва Н. Словник церковно-обрядової термінології. – Львів: Свічадо, 2001. – 160с.
6. Тодор О. Конфесійна лексика у мові періодики // Культура слова. – 2001. – Вип.59.– С. 77–78.

Раковская Н.М.

СТРУКТУРА КРИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ДИАЛОГ ПОЗИЦИЙ

В последние годы (2001 – 2005) обозначился интерес к теоретическим проблемам литературной критики, о чем свидетельствуют работы С. Кормилова [12], М. Зубрицкой [4], Р. Громьяка [6] и др. Вместе с тем, литературная критика в основном рассматривается как раздел литературоведения. Нам представляется, что сегодня следует вести речь не об отдельных звеньях, либо этапах развития литературной критики, а о ее самостоятельности как области гуманитарного знания и, следовательно, о системной организации.

Понятие системы в данном контексте следует понимать как комплекс взаимодействующих элементов, условно называемых “концептами” [14, с. 52]. Отношения, существующие между концептами, образуют структуру системы. Совокупность элементов, связанных структурными отношениями, как нам представляется, дает субстрат системы. Об этом свидетельствует современная модель литературной критики, широко использующая философское, психологическое, социологическое знания. Не случайно множественные дискурсивные практики прежде всего зафиксировали М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт и др. Вместе с тем, критический дискурс связан с коммуникативно-рецептивными факторами и

социокультурными аспектами, о чем неоднократно писал М. Бахтин.

Учитывая современные теории письма и критики (Р. Барт) [1], критического текста и горизонта понимания (В. Изер, Х.–Г. Гадамер) [10] [5], становится очевидной односторонность взгляда на критику только как “объективное” либо “субъективное знание” [15, с. 10]. Именно диалектика объективных и субъективных начал обуславливает устойчиво-изменяемый, инвариантно-вариативный, многозначный характер прочтения и оценки литературного произведения критикой [7; 8]. Специфика критики определяется прежде всего процессом культурного развития. В связи с этим, ей присущи особые формы отражения мира, средства коммуникации, сферы психики [3]. Исходя из концепции трех типов мышления (художественного, теоретического, практического), критика, принимая на себя множественность функций, обладает собственными законами развития. Единство научного и практического знания, характерное для критики, обусловлено на наш взгляд, следующими факторами: обобщение художественного опыта идет от критики к теории и от нее к методологии, а затем и практике литературно-критического анализа; восприятие предмета анализа (произведения, процесса) происходит не зеркально, а сквозь призму эстетико-философских установок, которые ориентируют критика на те или иные художественные явления, и, наконец, собственно традициями критики, накопленным ею “мыслительным материалом”.

Вместе с тем, в современных работах по истории русской критики исследователи не опираются на концепцию развития критики как ее “самодвижения” [16]. Концепция критического процесса часто основывается исследователями не на таящихся в критике самой, именно ей специфически присущих началах, а на факторах общих, восходящих либо к определенным сферам, либо к истокам идеологии в целом, словом, на факторах не имманентно-диалектического, а извне-детерминирующего, а потому “чужого” происхождения.

Собственно проблема тут состоит в том, чтобы “специфическое” заняло главенствующее место при оценке тех или иных критических суждений.

На наш взгляд, весьма плодотворной при определении специфики критики является идея структурирования литературно-критического текста [19]. Она дает возможность осмыслить дискурс литературной критики в целом, и своеобразие критической рефлексии, в частности. Структурирование литературно-критического текста способствует постижению системы жанровых форм, ключевых знаков в их семантическом пространстве, связи между культурным кодом текста и коммуникативно-рецептивными процессами. Более того, контекстуальность литературно-критического текста подразумевает познание критического явления во всех его соотношениях, какими они присутствуют в облике самого предмета, и в целях, смыслах его “местоположения” [11]. Контекстуальность бытия и когерентная теория истины, вместе с тем, требуют принимать во внимание внешнюю и внутреннюю взаимосвязь предметов и обстоятельств. В литературно-критическом тексте такая связь осуществляется посредством отношений между критиком, автором, реципиентом. Справедлива мысль Р. Громьяка о необходимости исследования различных философских систем, скажем, И. Канта и Э. Гуссерля, Р. Ингартена и М. Хайдеггера и т. д., способствующих осмыслению разных моделей, вариантов структурирования литературно-критического текста как возможности его интерпретации. Р. Громьяк пишет: “інтуїтивне осяяння, безпосереднє вживання у твір і витлумачення кожного його елемента, структурних зв'язків, встановлення їх естетичних функцій, відтворення найглибшої художньої семантики, її сенсу – то два крайні полюси інтерпретаційних процедур” [6, 17].

Сложность взаимоотношений между автором, критиком и реципиентом определяет выбор кодирования информации, содержащейся в литературно-критическом тексте. Ю. Лотман отмечал, что новые коды читательских сознаний выявляют в тексте новые семантические пласты и чем “больше новых истолкований ... тем дольше его жизнь” [13, 441]. В то же время Р. Барт указывал, что “текст ... это питательная среда, ... это пространство, не поддающееся ни классификации, ни стратификации ... это галактика означающих” [1, 486]. Думаем, что все же критический текст представляет собой гомогенный контекст с несколькими темами, денотативным ядром которых являются полемика, осуществляемая в ходе диалога. Смысловые связи обуславливают структуру текста и указывают на его целостность и завершенность. Интерпретация смысла критического текста определяется оппозицией полемизирующих сторон. Каждый структурный элемент способствует восприятию и пониманию критического текста в зависимости от возможности критика пробудить чувства и эмоции, вызвать эмоционально-эстетическую реакцию реципиента, дать этико-эстетическую оценку ситуации.

В критическом тексте важно выявить культурный код, риторический, социо-исторический и код загадки (герменевтический), а также блоки информации, (БИ), устанавливающие различные смысловые отношения (критик – автор, критик – читатель и т. д.). Структурным центром, определяющим движение в литературно-критической статье, является полемика. В пространстве текста в этом плане особую значимость приобретают границы полемики (интерпретация–полемика, интерпретация–переосмысление и т. д.). “Полемика”, как и всякий другой термин, видимо должен быть оценочно нейтральным по отношению к объекту. Этому может способствовать рассмотрение функциональных возможностей явления, обозначаемого этим термином, его генетических связей с культурой и т. д. Более того, полемика обнажает, во-первых, тот смысл произведения, который критику представляется наиболее существенным, во-вторых, определяет его собственную личностную позицию.

Интерпретация–полемика может вестись как с современниками, (синхронный аспект), так и с предшественниками, либо с противниками из будущего (диахронный аспект). Благодаря полемике преодолевается замкнутость единичной критической рефлексии, мнение критика о факте литературы

вступает во взаимодействие с суждениями предшественников и современников и оказывается одним из них в многоголосье культуры. Диалоги, куда включаются голоса оппонентов (по определению М. Бахтина – “голоса сознания” [2, с. 207]) в пределах статьи служат выражением полемической позиции ее автора.

В литературно-критической статье момент “беседы” (“полемики”, диалога, контакта, общения) оказывается одновременно и сущностным, и сюжетобразующим, и условным. Заметим и тот факт, что в литературно-критическом тексте до конца выявленными и закрепленными в слове оказываются суждения и взгляды лишь одного из “лиц беседующих” – критика. Второе же лицо – публика – конструируется в тексте критического сочинения, становясь частью “мира” критика.

В таком случае автор-критик оказывается одновременно и демиургом своего читателя-собеседника и реальным лицом, осуществляющим диалог с носителем иного сознания.

Читатель, воссоздаваемый в контексте критической статьи, так сказать, основной объект обращения критика, его конструируемый адресат, функционально замещает реального читателя. Кроме читателя, тем или иным способом обозначенного или отмеченного в критическом произведении, у литературного критика могут быть иные, периферийные адресаты или корреспонденты. Вероятно, на первом месте здесь окажутся “инакомыслящие”, с которыми автор-критик вступает в полемику. Диапазон полемических контрагенов достаточно широк, многообразен и колеблется от конкретного индивидуального лица до обобщенного внеличностного оппонента.

Таким образом, очевидно, что полемика является порождением диалогической природы критики (критик-оппонент, критик-читатель, критик-автор произведения). Иногда, становясь самоцелью, полемика затмевает сущность дискуссии, т. е. анализ художественного явления. Возникает проблема сопротивления текста произведения тексту критической статьи (В. Изер назвал эту проблему “инаковостью текста”). Но в своей основе полемические фрагменты функционируют как элементы литературно-критической статьи и могут рассматриваться только в составе целого. Как правило, полемика связана с социо-культурными пристрастиями критика, со степенью его владения словом и, наконец, с темпераментом. Важно учесть и тот фактор, благодаря которому возникла полемика. Она может быть задана по авторской воле, либо возникнуть спонтанно на “стыке” мнений. В зависимости от данного фактора в тексте реализуется полемическая направленность. Личностный аспект отражает не только характер обращения к оппоненту, но и то, как подписана статья (фамилия, псевдоним или криптоним, ссылка на коллективную позицию (скажем, редакции журнала и т. д.)). Иногда полемическая задача автора статьи может быть не выявлена в тексте, а установлена по косвенным материалам (переписка, дневники и т. д.). Полемика может длиться, переходя из журнала в журнал, но при этом ведущей фигурой остаётся автор статьи. Диалог редуцирован: сведён к репликам-обращениям, обширно представляет эстетические позиции. При нарушении этих границ полемики литература становится не предметом анализа, а поводом. Аллюзии накладываются одна на другую, текст статьи превращается в код, для разгадывания которого читатель должен быть не столько тончайшим знатоком литературы, сколько внимательным наблюдателем, следящим за журнальной батальей. Сатира, переходящая в клевету “на лицо”, становится явлением, которое воспринимается, видимо, в этих обстоятельствах, если не как эстетически дозволенное, то, во всяком случае, как допустимое при некоторых оговорках.

Диалогичность критической статьи позволяет создать различные ситуации. Во-первых “двух лиц беседующих” как равных: “Припомните вместе со мною, мой читатель, каким образом нас воспитывали и учили” [17, 3, 115]; во-вторых, читатель наделяется маской (например: “профан” в журнальных заметках Н.К. Михайловского – тип заурядного читателя, последователь пушкинского Феофилакта Косичкина; в третьих возникают читатели-персонажи (характерно для теории искусства Н. Надеждина, К. Полевого и т. д.). В случае создания молчаливого собеседника – собирательного читателя, диалог с ним уподобляется монологической речи с вкраплениями стилизованных фигур (посмотрим, известно ли Вам, добрые, знающие читатели и т. п.). Присутствие читателя может осуществляться и введением цитат, цель которых – отразить экспрессивное (эмотивное, по определению М. Бахтина) состояние автора статьи; при этом образуется особый микросюжет, в котором, как правило, формулируется основная концепция критика. М. Бахтин указывал: “...в ... статье, где приводятся чужие высказывания по данному вопросу различных авторов, одни для опровержения, другие – наоборот, для подтверждения и дополнения, перед нами случай диалогического взаимоотношения между значимыми словами в пределах одного контекста. Отношения согласия–не согласия, утверждения-дополнения, вопроса–ответа и т. п. чисто диалогические отношения, притом, конечно, не между словами, предложениями или иными элементами одного высказывания, а между целыми высказываниями” [2, 218]. Эти явления особенно характерны для литературной критики XIX в., ибо выбор точки зрения моделируемого читателя был не менее значим, чем выбор текста для анализа и часто связывался с временными конфликтами и отношениями. Скажем, в статье Н.К. Михайловского “Жестокый талант” внутренняя полемика с шестидесятниками отражает взгляды критиков разных эпох на творчество Ф.М. Достоевского. Возможность разночтений между автором, критиком и читателем, как правило, возрастает и при интерпретации сложных противоречивых явлений литературного процесса или остро проблемных произведений (например, статьи Д. Мережковского “О причинах упадка и о новых течениях в русской литературе”, В. Розанова “Три фазиса развития русской критики”, в которых определяются принципиально новые подходы к литературному процессу предшествовавшей эпохи). В таком случае и литературное произведение и критический текст “как бы окутаны музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается” (М. Бахтин), а критик выступает одновременно и как реципиент.

В то же время, заметим, что Р. Барт настоятельно указывает на необходимость разграничения читателя

с одной стороны, и всех пишущих о литературе, в том числе критика – с другой. Р. Барт пишет: “в результате самого “прикосновения к тексту – прикосновения не глазами, но письмом – между критикой и чтением развернется целая пропасть, и это та самая пропасть, которую всякое значение прокладывает между двумя своими сторонами: означающим и означаемым. Форма комментария, на которую способен читатель как таковой – это подражание. Перейти от чтения к критике – значит переменить самый объект вождения, значит возжелать не произведение, а свой собственный язык”... Любое письмо есть акт декларирования и именно поэтому оно является письмом” [1, с. 355]. Думается, что акт декларирования и проявляется в полемике, денотативным ядром которого есть диалог. Вместе с тем, М. Бахтин отмечал, что полемическую задачу выполняют монологические реплики, риторические вопросы, аналитические рассуждения, пародийные фрагменты, сценки–описания, сравнения и параболы, стилистические фигуры. В каждом конкретном случае сказываются эстетические, этические пристрастия критика, характер и степень его таланта, личностные черты, наконец, темперамент критика. В этом же плане размышлял Г. Шпет, указывающий, что живая действительная идея непременно не только идея, а вид, прежде всего внешний видимый облик. Так, для Д. Мережковского писатели XIX в. стали “вечными спутниками”, позволившими ему сформулировать метод субъективно-художественной критики, для Вл. Соловьева ведущим явилось философски–религиозное критическое знание (царь, пророк, священник), вводимое в систему мистических построений, для А. Волынского – богофильское и богословское начало стало определяющим в его концепции символистской поэтики, т. е. возникают новые оптические возможности использования диалога.

В настоящее время (начало XXI века) критика представляет собой разноречивую мозаику оценок, о чем свидетельствует дискуссия на страницах литературной газеты (2004 – 2005 гг.). Диалогическая система, вместе с тем, существует, но как? Критики пишут много и часто, при этом в диалоге, дискуссии для них важны только собственные оценки. Не случайно так популярны сегодня эссе. О чем пишут опытные критики, такие как Н. Иванова (“Невеста Букера”), А. Немзер (Литературное сегодня о русской прозе) и др. Термины “направления”, “школы” заменены словом “тусовка”, в которой система полемических отношений писатель–читатель–критик перестала существовать. Создается некий особый критический язык, ориентированный на модные культовые тексты, в связи с чем Н. Иванова пишет: “есть критик-ищейка, критик–следователь, критик–белка, критик–фокусник, критик–кутюрье и т. д.” [9, 10]. Т. Ю. Сидорина отмечает: “отношения критика и читателя близки к разводу” [18, 21] и т. п. Безусловно, в таких отношениях система в литературной критике разрушается, и диалогичность заменяется монологизмом, но не в бахтинском разумении, а в желании представить только *себя*, сделать имя в литературе (Д. Быков “Мета-путь к квазиимени”). Так что же правы авторы дискуссии, заявившие о том, что произошло “самоубийство критики” (“Литературная газета”, август, 2005)? Думаю, что нет. Так же как и филология в целом, критика находится в состоянии поиска. Но появление таких журналов, как “НЛО”, “Слово і час”, “Диалог”, характеризуемых строгостью в отборе материала, эстетизацией, бескомпромиссностью суждений и т. д., дают надежду, что границы полемики вновь расширятся до культурного диалога и современная критика приобретет новое качество.

Источники и литература

1. Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 462–516.
2. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: В VII т. – Т. V. – М., 1996. – С. 159–287.
3. Брюховецький В.С. Специфіка і функції літературно-критичної діяльності. – К., 1986.
4. Зубрицька М. Номо legens. Читання як соціокультурний феномен. – Львів, 2004.
5. Гадамер Х.–Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., 1998.
6. Гром’як Р. Історія української літературної критики (від початків до кінця XIX ст.). – Тернопіль, 1999.
7. Егоров Б. Ф. От Хомяков до Лотмана. – М., 2003.
8. Золотухин Г.А. Литературно-критическая деятельность: диалектика объективного и субъективного. – Киев, 1992.
9. Иванова Н. И. Невеста Букера. – М., 2005.
10. Ізер В. Процес читання, феноменологічне наближення // Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. – Львів, 2002. – С. 349–368.
11. Козловский П. Культура постмодерна. – М., 1997.
12. Кормилов С.И. Нерешенные проблемы современного литературоведения // Вестник МГУ. – 2001. – Сер. 9. – № 6. – С. 21–35.
13. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970.
14. Лукин В.А. Художественный текст. Опыт лингвистической теории и элементы анализа. – М., 1999.
15. Михайлов А.В. Литературоведение и проблемы истории науки // Филологические науки. – 1991. – № 3–4.
16. Очерки истории русской литературной критики. – СПб., 1999.
17. Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. – М., 1965.
18. Сидорина Т. Ю. Парадоксы кризисного сознания. – М., 2002.
19. Тодоров И. Монолог и диалог: Якобсон и Бахтин // М. Бахтин в контексте мировой литературы. – М., 2003.